

Н. А.
ПОЛЕВОЙ

Николай Алексеевич Полевой

Делать карьер

«Не я, имевший честь обещать почтенным читателям „Живописца“ объяснение о том, что такое значит *делать карьер*, не я, но сочинитель, из которого беру эпиграф к моей статейке, может их уверить, что слово *карьер* и фраза *делает карьер* существуют в нынешнем русском языке. Впрочем, нужны ли такие доказательства? Кто из нас не слышал сих слов тысячу раз?...»

Николай Алексеевич Полевой Делать карьер[1]

*«Ведь надобно ж, служба, открыть себе
карьер?»*

Хмельницкий

Не я, имевший честь обещать почтенным читателям «Живописца» объяснение о том, что такое значит *делать карьер*, не я, но сочинитель, из которого беру эпиграф к моей статейке, может их уверить, что слово *карьер* и фраза *делать карьер* существуют в нынешнем русском языке. Впрочем, нужны ли такие доказательства? Кто из нас не слышал сих слов тысячу раз? Это одна из употребительнейших новых фраз, выдуманных в последнее время вместе с другими, каковы: *делать партию, кадр, администрация*. Если вы не варвар, то не говорите: *он выгодно женился*; если вы не мещанин, боже вас избави сказать: *основание дела хорошо, но исполнение дурно!* Говорите, М. Г., так: *он сделал прекрасную партию, кадр был прекрасный, но исполнен дурно*. Я слышал даже щеголеватого поверенного питейной конторы, который говорил: *«Администрация нашего откупа отлично хороша»*. Как это мило, и можно ли сравнить с этим грубую фразу: *«Наш питейный откуп хорошо управляется!»*.

Появление подобных новых слов в русском языке совсем не новость. Так, в половине про-

шедшего столетия были у нас модные слова: *ужесть, как мил; он не в своей тарелке; делать куры*. Теперь все эти слова кажутся смешны; но когда щеголиха 1770-х годов из-за своих огромных фижм махала веером по разным мушкам, которыми высказывалось мучение и радость сердца, иной щеголь, смотря на счастливого соперника, с отчаянием схватывал свой тупей[2]) и, совсем не думая смешить, восклицал: «*Она с ним делает куры!*». В век, когда волокитство было главною стихиею модных обществ, когда любовь заменяли *куры*, ничуть не смешно было *делать их* (*faire la cour*) и *говорить, что делаешь*.

Я вспомнил теперь одного старика, знакомого мне англичанина. Любимый тост его был: «*Hanse-en-kelder*». С этими словами в старые годы англичане пивали за здоровье беременных женщин; а *a health to the Hanse-en-kelder* значит собственно: *здоровье дитяти, которым беременна женщина, чье здоровье пьют*. Мой старый весельчак уверял, что глубокая, философская мысль заключена в этом тосте, и потому тост свой переносил он ко всему и во все. «*Надобно во всех делах, вещах*

и словах смотреть на Hanse-en-kelder, говаривал он. – О! это важное дело; все другое – только оболочка, скорлупа, пустяки; об ней нечего и заботиться!»

Перенесем шутку моего старого знакомого, который уже лет двадцать тому пошел искать Hanse-en-kelder своего бытия в волнах Атлантического океана. Добрый Джон говорил, что слова всегда выражают какую-нибудь мысль, составляющую их Hanse-en-kelder, и что если новое слово является в обществе, следует, что в обществе есть уже тайный, скрытый Hanse-en-kelder, который выражает это слово, и что старые слова, которые выражали что-нибудь подобное, становятся уже недостаточны для нового понятия.

Что такое, собственно, значит: *делать карьер*? Это нестерпимый галлицизм, подобный галлицизмам: *я его слышал говорить; делать зубы; она выглядит*, и прочему, что слышим мы из уст хорошеньких девушек, которые сами – галлицизм в нашем быту. *Carnege*, по-французски, выражает собственно: поприще, место, отделенное какою-нибудь загородкою, чертою; в переносном смысле принимается

за обязанность, долг, должность, нечто определенное в быте гражданском, что должно или можно исполнить. *Fournir, ouvrir une carrière* – значит в сем смысле исполнить свое дело, приобрести, открыть средство к исполнению. Впрочем, кому угодно, тот может справиться о французских значениях *карьер* у Буастов[3]), Лаво[4]), Вальи[5]) Французской Академии. *Карьер*, перешедши к нам, имеет свой, определенный смысл в устах русского, означает сей смысл, и в нем-то надобно отыскать нам *Hanse-en-kelder*, по примеру моего старика Джона.

Слово *карьер* и слова *делать карьер* до сих пор говорятся у нас только в отношении службы, гражданской и военной. Начинают употреблять их и в других отношениях, но общее употребление не утвердило еще смелого нововведения. Посмотрим в общепринятом смысле. Должно ли мне оговариваться, что я разумею под словами *общее употребление* круг только тех людей, которые употребляют слова: *делать карьер*?

Слава богу! много еще в России таких, которые усердно служат и не знают модной

фразы, применяемой к службе.

Служить и *делать карьер* – два совершенно разные смысла. Ссылаюсь на приведенный мною стих Хмельницкого. Можно, *служа, не делать карьера*; разумеется, что можно и *делать карьер, не служа*. Одно следует из другого.

В старое время, когда слова употреблялись в простом значении, *служить* значило исполнять свою должность, к которой призывали кого-либо обязанность, звание или обстоятельства. Все мы живем в обществе, и каждому общество задает работу, на каждого налагает обязанность, определяемую званием, местом рождения, отношениями. Не исполняющий обязанности не достоин жить в обществе; исполняющий заслуживает пожертвования других в его пользу; из сих жертвований составляются взаимные условия общественные. Таково теоретическое понятие об обязанностях общественных. Простые люди все это выражали и выражают одним словом: *служить*. Для них, особливо в старые годы, *служба*, как поэзия, не имела никакой цели: *служить* и *жить* значило одно и то же. Как

купцы торговали, как ученые учили, так другие служили. Определялось служенье тем, что капрал делал приказанное подпоручиком, а подпоручик – повеленное бригадиром... Блаженное время!

Вместо того чтобы сменить сии грубые понятия понятиями более высшими, об отечестве, обязанностях гражданина, гражданской чести, их сменили понятием о *деланьи карьера*, так, как простое, старинное воспитание сменилось поверхностным, ничтожным образованием нынешним.

Некоторые утверждают, что *деланье карьера* есть не что иное, как старинное *местничество*, выродившееся и переродившееся с веком. В самом деле, какой-то писатель не посовестился сказать, что старинное местничество заменяло у предков наших *point d'honneur*. Прочтите в «Северных цветах» [6]) сброд слов, названных *мыслями* (1828 г., стр. 216). Если согласиться с этим, то *деланье карьера* точно есть изменившееся местничество.

Да! Ныне не имеют уже прежних понятий о службе, грубых и простых, по которым недо-

рослей записывали в службу, ибо дворянину должно служить. Зато заменилось это тем, что можно и не служить, даже не должно служить, если сделать карьера невозможно. Услышите ли вы ныне слова: «Он хорошо служит», то есть в том смысле, что он, кто бы это ни был, не думая о награде, о чине, верно, исправно, трудолюбиво, честно исполняет возложенную на него обязанность? Никогда! Хорошо служить значит ныне удачно служить, то есть скоро, ловко, быстро хватать награды, чины, отличия; чем легче это достается, тем выгоднее считается, и вот это-то и произвело слова: *делать карьер*.

Дамон служит в отдаленном армейском полку, исполняет свои обязанности, чист совестью, его любят начальники и товарищи. Что говорят о нем? Хвалят его, вы думаете? Нет!.. «Как странен Дамон! Порядочного рода, с хорошим состоянием, мог бы иметь прекрасный карьер – и работает, словно осел, в своем углу, где его никто не видит и не знает!»

Пафнутий, помещик *** губернии, служил в Петербурге, но оставил Петербург, определился на незначительное место в своей губер-

нии, служит там, делает добро, сколько может, управляя в то же время, как добрый помещик, своими крестьянами. «Не понимаю Пафнутья! – кричит Перушкин, – мы служили вместе; ему открывался *прекраснейший карьер*, а он затесался в свою глушь!»

Филофей, молодой бездельник с гибкою спиною, медным лбом, шаркающими ногами, втерся в милость к бестолковому старику-начальнику: что год, то чин, награда, спасибо. «Завидная участь Филофея! Что за удача, что за успех!» – «Но что же в нем завидного?» – «Как что! Почти ничего не делает; вся обязанность – читать газеты глухому старику, и *какой карьер!*» – «Тем ничтожнее и презрительнее Филофей, что берет даром», – говорите вы, – и на вас смотрят с удивлением!

«Брошу N.N. Что за радость служить у него? Дела пропасть, работы тьма!» – «Тем лучше; вы молоды, потрудитесь; помните, что вы исполняете тем обязанность вашу». – «Покорно вас благодарю; но что за *карьер* мне от этого исполнения обязанности?»

Все сии анекдоты дают читателю понятие о том, что значит карьер. Какие же следствия

таких мнений? Что встарь, то и ныне: как прежде недоросли старались записаться в сержанты гвардии с колыбели, потом служили для вида несколько месяцев и выходили в отставку офицерами, то и ныне. Думают не о том, чтобы по долгу гражданина и честного человека службою выполнить *обязанность сына отечества и члена общества*, – нет! Идут в службу, чтобы сделать карьеру. Прапорщик бесится, что при производстве забыли его; ротмистр, – что товарищу дали крест, а ему не дали; мальчик, едва умеющий написать пять строчек, негодует, что награда за этот год ему не досталась, и грозит *бросить службы*. И так далее, и так далее, от мальчика до старика, от канцеляриста до... до чего бы? Ну, хоть до *титularного советника!*.. А долг, обязанность, отечество, чувство чести, заслуги?.. Делатели карьеров! Слыхали ль вы об этом? Понимаете ли высокое чувство награды совести, уверенности быть полезным, сладости бескорыстно трудиться, для блага отечества и счастья соотечичей?

Здесь открывается новое сходство карьерства с местничеством. Мы смеемся, читая, что

такой-то бил челом в отечестве на князя такого-то, что ему быть с ним невместно; и указано такого-то за бесчестье князя бить батоги в подклете и сказать, чтобы такие страдники не били челом, а потом посадить в казенку. Но деланье карьера не до того ли самого доводит нас? Посмотрите на Елизара: он вышел в отставку потому, что из-за него Петру, Сидору и Карпу дали кресты. Елизар – мальчик с дарованиями, мог бы со временем быть хорошим чиновником; теперь он бьет мух в деревне и не знает, что делать, – а все от карьерства!

Известен смешной анекдот об одном испанском гидальго. Оскорбясь за то, что ему не дали ордена Калатравы[7]), он поклялся, что не увидит солнечных лучей, пока слугу его не пожалуют сим орденом.

Запертый в комнате, где были закрыты ставки, затворены двери и спущены шторы, горделивый гидальго спрашивал каждое утро: «Ну, что? Дали тебе орден Калатравы?» – «Нет, синьор», – отвечал слуга. – «Поддай же огня». – И целый день просидев со свечкою, гидальго ложился спать, повторял поутру во-

прос, при называл подавать огня – день проходил за днем, пока благородный дон гидальго отправился туда, где ни в огне, ни в солнце ему не было надобности.

Я мог бы рассказать двадцать таких же смешных анекдотов современных о делателях карьеров. Смешное всегда бывает наказанием, когда не чистое, не святое, бескорыстное чувство, но какое-нибудь заблуждение, какое-нибудь самолюбивое направление ума управляет нашими действиями. Можно бы выставить тебя, огромный Савастьян, подававший такие надежды в юности, как отчаявшись сделать карьер, ты оставил службу и сделался бабою в обществе жены и пятнадцати кузин своих. Можно бы представить тебя, звонкоголосая Валторнина, как взяла ты своего Ванюшу в отставку, когда он в отчаянии писал к тебе, что вопиющая несправедливость сделана с ним, что он уже год служит в департаменте и не получил ордена. Но бог с вами! Не могу удержаться, однако ж, чтобы не припомнить виденного и слышанного мною года два тому.

С ***, любезный, умный чиновник, имев-

ший выгодную, блестящую должность, за исполнение которой мог ожидать в будущем многого, умер. Нечаянная смерть его поразила всех, кто знал его и любил. Мы, друзья его, собрались на похороны. Грустно было смотреть на бездыханное тело С ***, вспоминая, как недавно еще говаривал он нам о своих добрых намерениях, о том, что он хотел сделать для блага ближних, о том, как смело противился он хищению и злым делам других. В это время подходит ко мне масляная рожа, князь ***, оскорбленный делатель карьеров и большой плут; но он любил С ***, и в первый раз я заметил в нем растроганную душу, сильное впечатление скорби. «Можно ли было ожидать! – сказал мне князь, – казалось, что он переживет нас; грустная потеря!» – «Да, – отвечал я, – мы лишились доброго друга, отечество – верного сына, правительство – отличного чиновника». – *«Какой карьер-то ему открывался!»* – воскликнул князь, и блестящие от внутреннего волнения глаза его обратились с горестью на гроб С ***.

Если карьерство распространит свое пагубное влияние, если оно заменит и простое, без-

отчетное желание служить, бывшее у наших предков, и высокое чувство быть полезным отечеству, которое должно одушевлять нас без всякого искательства наград и почестей, то мы не в большом выигрыше останемся от своего нового образования. Благодаря новому образованию и без того уже заменили кулачное, право наших предков ничтожным point d'honneur, которое велит драться за неучитное слово, прикрывая бездельничество и наглость шпагою или пистолетом; мы перестали пить – и играем в карты; мы не запираем жен своих – и промотались на их наряды. Обмены невыгодны! Променять *местничество* на *карьерство* не значит сделаться просвещеннее своих предков...

Неужели напрасно сжег ты разрядные книги, мудрый Феодор? Неужели вотще действовал ты, Великий Петр, сам служа барабанщиком, солдатом и матросом? Но твоя дубинка еще цела, и как хорошо было бы выгнать ее из многих голов жалкую мысль *деланья карьеров!*

Нет! Не бывать тому великим полководцем, великим министром, мудрым советни-

ком царя, неподкупным начальником областей, неумытным судьей, человеком, смело говорящим правду сильному, кто с регистратора и с юнкера думает о карьере! Надобна поэзия гражданской добродетели, надобен жар любви не к чинам, а к отечеству, порыв стремления к общему благу, который действует для того только, чтобы действовать, — и тогда отечество увидит истинных сынов, не кукол, прыгающих по карьере, которые кусаются и щиплются за блестящие безделки!

Я сказал, что деланье карьеров распространяется ныне и в других отношениях. Впрочем, в литературе деланье карьеров существовало прежде, а теперь оно совсем упадет, ограничиваясь разве самою безделкою; дубинка критики неумолима, и от нея разлетелся уже круг знаменитых друзей, высшая точка, до которой достигали на литературном карьере. В женитьбе карьерство могло бы распространиться, если бы жены не играли слишком большой роли при этом случае. Когда жалкий стихоплет прокрадывается с стишками в модный альманах, успевает ползком очутиться в членах какого-нибудь

ученого собрания, это более смешно, нежели опасно. В женитьбе... но, довольно!..

В составлении комментариев принимал участие Л. Н. Арутюнов.

Примечания

Впервые опубликовано в «Новом живописце общества и литературы», сатирическом приложении к журналу «Московский телеграф», 1830, No 19, ч. 35. Печатается по отдельному изданию: «Новый живописец общества и литературы, составленный Николаем Полевым», ч. 2. М. 1832.

[^^^]

2

Тупей – старинная прическа.

[^^^]

3

К. Буаст (1765—1824) – французский лингвист.

[^^^]

Ж. Ш. Лаво (1749—1827) – французский лингвист.

[^^^]

Н. Ф. Вальи (1724—1801) – французский лингвист, один из составителей словаря Французской академии.

[^^^]

6

«Северные цветы» (1825—1832) – литературный альманах, издававшийся А. А. Дельвигом. В альманахе сотрудничали Пушкин, Баратынский, Вяземский, Жуковский и др.

[^^^]

Орден Калатравы (св. Иакова) – испанский орден, установленный около 1175 г.

[^^^]